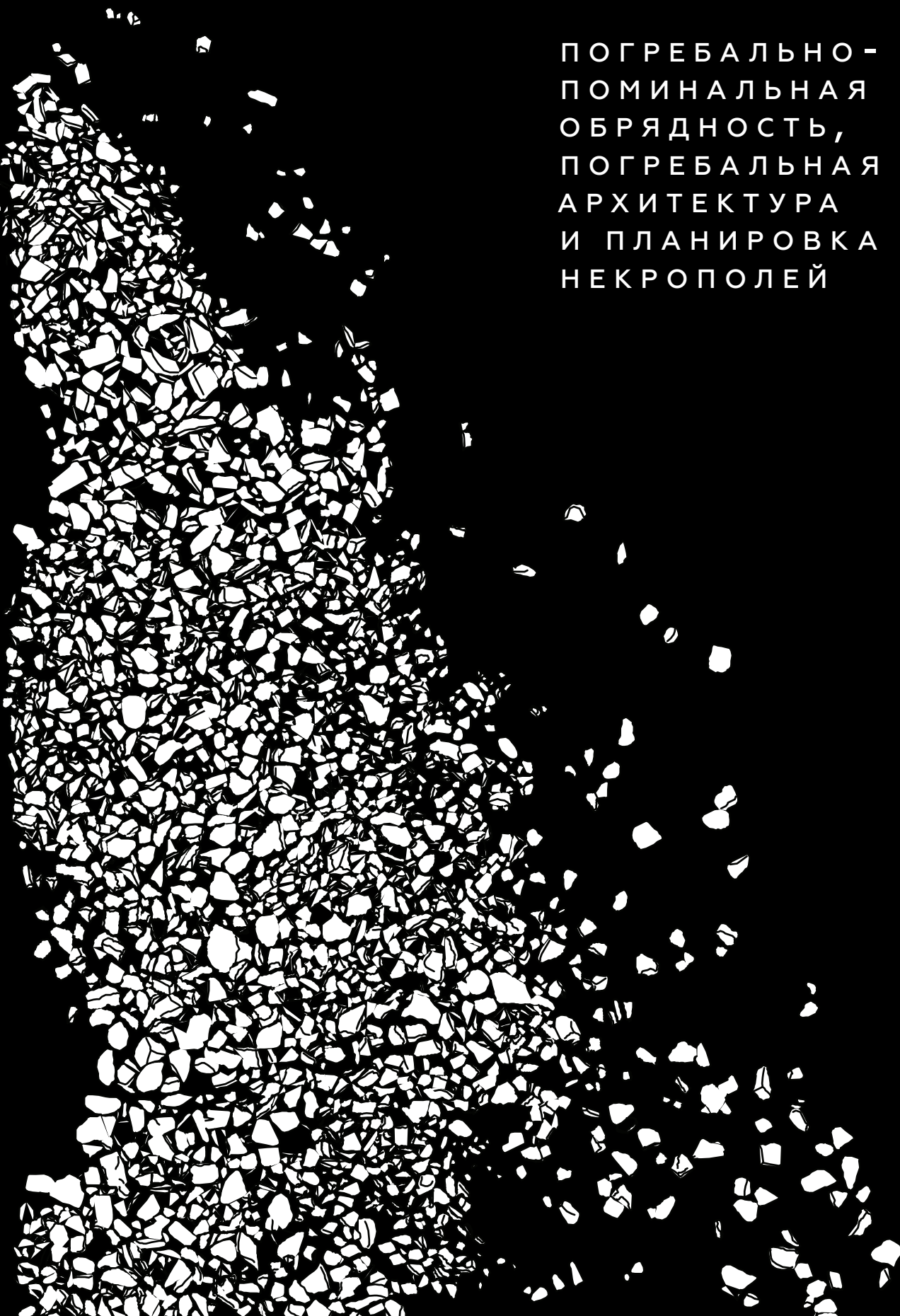

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

ПОСТПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НА НЕКРОПОЛЕ ОЛЬВИИ

Некрополь Ольвии — обширная территория, отдельные участки которой за все время существования полиса и города использовались исключительно в целях, связанных с погребальными и постпогребальными обрядами. К этим понятиям относится и пространственная организация могильника. В историографии данные вопросы уже поднимались (Папанова, 2006; Козуб, 1974). Исследования последних лет позволяют уточнить и проиллюстрировать выводы предыдущих авторов. В научный оборот вводятся три объекта, связанные с разными типами ритуальных действий, совершенных на одном, относительно небольшом, участке. Хронологически использование этого участка соответствует практически всему времени существования Ольвии (закрытые комплексы можно уверенно датировать последней четвертью VI–V в. до н. э. — серединой – концом II в. н. э. без каких-либо значительных лагун).

Представляемые объекты соответствуют трем разным вариантам ритуальных действий, следы которых можно археологически зафиксировать: 1 — поминальные ритуалы, совершаемые непосредственно после захоронения покойного (связанные с конкретными погребениями), 2 — поминальные действия, которые связать с определенными погребениями невозможно, 3 — магические действия, направленные на живых, но совершаемые на территории некрополя.

Вводимые в научный оборот материалы раскопок последних лет хорошо иллюстрируют археологически фиксируемые следы постпогребальных обрядов, которые совершались на территории некрополя.

Ключевые слова: некрополь Ольвии, постпогребальные обряды, тризна, поминальные ритуальные действия, магические действия, пространственная организация некрополя.

Некрополь Ольвии, исследования которого продолжаются уже более полутора столетий, не перестает в ходе каждого очередного раскопочного сезона предоставлять новые материалы, которые, безусловно, заслуживают внимания исследователей. В том числе это касается данных, прямо не связанных с погребальными действиями, а имеющих отношение к событиям, происходившим после собственно захоронения. Конечно, в первую очередь имеются в виду поминальные обряды, но также и другие ритуальные действия. Исходя из этого, я хотел бы представить несколько новых находок, сделанных в последнее время на данном памятнике.

Чтобы четко определить значение, которое придается данным объектам, в первую очередь необходимо обратиться к месту их обнаружения. Большая часть участков некрополя Ольвии, которые за последние десятилетия раскапывались профессиональными археологами и были так или иначе отражены в археологической литературе, приходится на места, которые в то или иное время, предшествующее, как правило, появлению здесь погребальных памятников, использовались в повседневной хозяйственно-бытовой деятельности как жилые площадки. Раскоп «Ориент» (название дано по наименованию близ лежащего репера), на котором были обнаружены представляемые объекты, характеризуется тем, что на нем не было ничего, что могло бы быть отнесено к поселенческой деятельности или каким-либо производственным процессам (также не было зафиксировано какого-либо связанного с ними культурного слоя). Поэтому любые находки, происходящие отсюда, можно в первую очередь интерпретировать как свидетельства погребально-поминальных ритуалов. Необходимо обратить внимание, что захоронения или другие сопутствующие им действия здесь производились на протяжении практически всего существования Ольвии, а именно от последней четверти VI–V в. до н. э., до, как минимум, конца II в. н. э. Причем какие-либо значительные хронологические лагуны здесь не прослеживаются. Даже вторая половина I в. до н. э., когда, по письменным источникам, жизнь на городище прекращается, номинально представлена детскими погребениями, которые по амфорному материалу датируются второй половиной I в. до н. э. — началом I в. н. э.

Исходя из этого, интересными представляются три разные группы находок, соответствующие разным типам ритуальных действий, следы которых можно археологически зафиксировать на данной территории.

Находки первой группы являются следствием поминальных ритуалов, которые исполнялись непосредственно после совершения захоронения. Как правило, лучше всего объекты этой группы фиксируются в подбойных могилах. Хорошим примером в данном случае является подбойное захоронение № 8 2012 г (Ивченко, 2012).

Рис. 1. Погребение № 8/2012 Ольвийского некрополя, канфары во входной яме

Входная яма прямоугольной формы была ориентирована с юга на север. Стенки и дно были выполнены неаккуратно. Заполнение составлял светло-серый слабо гумусированный суглинок, практически не отличающийся от окружающего грунта. В верхней трети заполнения входной ямы рядом лежали два чернолаковых канфара (рис. 1). У каждого было отбито по одной ручке. Фрагменты этих ручек лежали между сосудами. Кроме данных находок, в заполнении входной ямы было зафиксировано только пять мелких фрагментов амфорных стенок.

В восточной стенке входной ямы был сделан подбой. Вход в него закрывал сырцово-амфорный заклад, провалившийся внутрь камеры (рис. 2). Основная часть состояла из четырех сырцовых кирпичей, а с юга его замыкала гераклеяская амфора без ножки. Обращает внимание, что пространство, оставленное между кирпичами и южной стенкой, изначально соответствовало габаритам амфоры.

В погребальной камере на спине лежал взрослый человек, ориентированный головой на юг, с вытянутыми вдоль туловища руками. Ноги были слегка согнуты в коленях и завалились к востоку. Судя по положению черепа и позвонков шейного отдела, под головой погребенного располагалась достаточно высокая подушка. Сверху костяк был накрыт покрывалом, содержащим органику растительного происхождения. С западной стороны были найдены лежавшие или стоявшие вертикально в ряд бронзовые гвозди, расположение которых соответствовало краю органического тлена фиолетово-пепельного цвета. Очевидно, эти гвозди крепили покрывало ко дну подбоя.

Рис. 2. Погребение № 8/2012 Ольвийского некрополя, заклад

Погребение сохранилось *in situ*. Сопровождавший покойного инвентарь, найденный непосредственно в подбое (краснофигурный лекиф с пальметтами, чернолаковый килик со штампованным орнаментом на внутренней части дна, бронзовая монета, зафиксированная в правой руке костяка), дает основание датировать данное захоронение последней четвертью IV — началом II вв. до н. э. (краснофигурный лекиф с пальметтами, относящийся ко второй половине IV в. до н. э., является самой ранней находкой из встреченного здесь материала).

Сосуды, обнаруженные во входной яме и в закладе, в целом соответствуют данной датировке. Самым ранним из них является использованная при сооружении заклада поврежденная (без ножки) гераклейская амфора со следами органической оплетки на одной из ручек, относящаяся к 60–30-м гг. IV в. до н. э. Канфары же датируются последней четвертью IV в. до н. э.

Обращает на себя внимание использование сосудов. В погребальную камеру были поставлены целые сосуды (лекиф и килик). В закладе использовалась амфора, которая, возможно, уже была повреждена в ходе ее предыдущей эксплуатации. Канфары, найденные в заполнении входной ямы, вполне вероятно, были повреждены сознательно (об этом может свидетельствовать взаимное расположение сосудов и отбитых у них ручек).

К этой же группе можно отнести и подбойное погребение № 1 2015 г (Буйских, Ивченко, 2015). Входная яма подпрямоугольной формы была ориентирована с запада на восток. Она имела отвесные, почти вертикальные стенки и плоское дно, слегка покатое в сторону подбоя. Ее заполнение составляла темная пестрая гумусированная супесь с примесью суглинка и «белоглазки». В нем было встречено незначительное количество материала. В основном это были фрагменты чернофигурного килика с многочисленными следами ремонта, а кроме них — донце небольшого чернолакового лекифа с восьмибуквенным граффито и три дельфинчика. Фрагменты килика были найдены преимущественно в западной части входной ямы по всей ее глубине (около семидесяти сантиметров). При этом основная масса стенок была сосредоточена в верхней трети заполнения, а донце лежало практически на дне. После реставрации килик оказался археологически целым, и лишь часть его требовала догипсовки.

В подбое, за закладом, сделанным из крупных фрагментов большого толстостенного широкогорлого сосуда, на правом боку головой на восток лежал костяк взрослого мужчины. Его сопровождали поставленные в изголовье небольшой одноручный кувшинчик, а также сетчатый и сероглиняный лекифы. На основании сосудов, найденных в подбое, это погребение можно датировать серединой — второй половиной IV в. до н. э.

Данное захоронение также было найдено полностью непо потревоженным. При его рассмотрении на себя обращают внимание два момента. Во-первых, размещение фрагментов килика только в западной части входной ямы, но при этом по всей глубине ее заполнения. Во-вторых, несоответствие даты килика (а он относится к концу VI — первой половине V в. до н. э.) дате самого захоронения, которое благодаря наличию сетчатого лекифа, не может датироваться ранее, чем первой третью IV в. до н. э. Учитывая многочисленные следы ремонта на килике, можно предположить использование в поминальном ритуале долго и тщательно хранившейся, но полностью утратившей свое утилитарное значение посуды.

Рис. 3. Ольвия, раскоп «Ориент», скопление керамики

Ко второй группе можно отнести не связанные с определенными захоронениями скопления различного материала, которые, тем не менее, можно интерпретировать как тризны или остатки иных ритуальных действий (Папанова, 1993; Папанова, 2006). Примером этой группы может служить обнаруженное в восточной части раскопа практически на уровне материка скопление керамики и костей животных (рис. 3). Мелкие фрагменты стенок керамических сосудов (в основном, амфорных стенок) лежали на площади $1,8 \times 1,1$ м в один, реже, в два слоя. Плотность расположения фрагментов уменьшалась по длинной оси от одного края к другому. Среди керамики были зафиксированы отдельные колотые и ломаные фрагменты костей животных, в том числе и нижние челюсти мелкого рогатого скота (Буйских, Ивченко, 2015).

Судя по наличию в скоплении фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор и краснолаковых сосудов, его можно отнести к римскому времени. При этом ближайший погребальный объект, относящийся к данному периоду, расположен более, чем в 10 м от него. Взаимное расположение керамических фрагментов, наличие костей животных (в том числе, нижних челюстей мелкого рогатого скота) и локализация самого скопления позволяют не рассматривать его как выброс из грабительских раскопок. Можно предположить, что это остатки каких-либо поминальных действий, устроенных через определенный срок после совершения какого-либо погребения неподалеку, но не в непосредственной близости от него.

И, наконец, третью группу составляют находки, связанные с совершаемыми на территории ритуальными действиями, которые при этом не связаны с погребальным обрядом. Ее хорошо характеризует чернолаковая чаша с наговором (рис. 4). Она была обнаружена в 2013 г. Это небольшая аттическая чернолаковая чаша на невысоком поддоне со слегка загнутым внутрь краем. На внутренней стороне ее стенок было начертано двустрочное многозначное граффито. Еще в древности чаша была разбита или раздавлена на восемь частей, но все они лежали компактно *in situ* поблизости друг от друга. В настоя-

щее время она полностью реставрирована. По форме, приблизительным размерам и качеству лака чаша относится, соответственно классификации чернолаковой столовой посуды с афинской агоры, к типу *bowl incurving rim* и датируется, предположительно, в пределах второй — третьей четвертью IV в. до н. э. Состояние поверхности сосуда позволяет предположить, что он был отнесен на некрополь после неоднократного использования в быту (Ивченко, 2013; Русяева, Ивченко, 2014).

Граффито было процарапано по окружности внутри чаши ниже венчика на сравнительно неплохо сохранившейся чернолаковой поверхности без видимых следов разметки в два ряда. А. С. Русяева в данном граффито прочитала десять разных антропонимов в именительном падеже без патронимиков: восемь — мужских и, судя по предположительно, два — женских. Имена в основном были композитные аристократические, половина из них — теофорные. Исследователь обращает внимание, что данная чаша была специально разбита и закопана на территории некрополя.

В данном граффито отсутствует какое-либо объяснение причины написания целого списка имен. «В этом аспекте оно является пока единственным граффито именно на внутренней части небольшой чернолаковой изношенной чашки с разными, в большинстве аристократическими именами, среди которых имеются как редкие, так и впервые зафиксированные в данном эпиграфическом источнике без отчеств и соответствующего глагола» (Русяева, Ивченко, 2014). Необходимо отметить, что недалеко от него была обнаружена сломанная пополам, сложенная вавое и свернутая свинцовая пластина с прочерченными знаками с одной стороны, до сих пор, к сожалению, не прочитанная.

По мнению С. Р. Тохтасьева, подобные пластины, на которых были начертаны имена в номинативе без глаголов, связаны с проклятиями и обычны для некрополя Ольвии.

Таким образом, приведенные выше примеры могут продемонстрировать некоторые варианты постпогребальных обрядов, которые можно проследить на материалах некрополя Ольвии. Среди многообразия данных можно выделить свидетельства как поминальных действий, совершавшихся непосредственно после захоронения или позже, так и каких-либо иных магических ритуалов.

Буйских А. В., Ивченко А. В. Отчет о раскопках на территории некрополя Ольвии в 2015 г. // Архив ИА НАНУ. 2015. Б/н.

Ивченко А. В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2012 г. // Архив ИА НАНУ. 2012. № 116.

Ивченко А. В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2013 г. // Архив ИА НАНУ. 2013. Б/н.

Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. э. Київ, 1974.

Папанова В. А. Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). Бердянск, 1993.

Папанова В. А. Урочище ста могил. Киев, 2006.

Русяева А. С. Ивченко А. В. Новое граффито из некрополя Ольвии // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XXX.

Рис. 4. Ольвия, раскоп «Ориент», чаша с граффито